

"Рациональное хозяйство": помещики без крепостных

Сергей Атава – дворянин, автор известных в пореформенное время очерков о разорении дворян-помещиков. Александр Энгельгардт – дворянин, превративший наследственное имение в процветающее хозяйство и описавший свой опыт в ряде широко известных современникам журнальных статей.

Атава приводит пример неудачного использования современной техники в помещичьем хозяйстве, Энгельгардт – удачного. Что общего в суждениях обоих авторов о рациональном хозяйстве?

С. Атава (С.Н. Терпигорев) о внедрении машин помещиками

Из главы II. Рациональные хозяева

В прошлом очерке я говорил, что многие довольно скоро убедились, что жить «все-таки» еще можно, стоит лишь помириться с тем, что мужиков отныне наказывать нельзя ни у себя дома, ни посылать для этого с письмом к становому или исправнику. Это уступка со стороны, так сказать, нравственной. Что же касается стороны материальной, то и тут дело может уладиться, если, вместо прежнего хозяйства, завести новое, «рациональное». <...>

– Вы говорите: рациональное хозяйство? То есть?

– Ну, да-с: рациональное...

– То-то, что ж это такое?

– А это, извольте видеть, по-заграничному. Там всякая дрянь идет в дело, дает доход, а у нас пропадает. Там, например, хозяин увидит, что косточка валяется – велит ее поднять. Сегодня косточка, завтра косточка, глядишь – и много их собралось – можно продать.

– Нет-с, там кости в муку мелют и потом этой мукой пашню посыпают.

– А кто хочет, и так продает кости.

– Отчего же, и так продают, только посыпать пашню выгоднее.

– Ну-с, и потом машины. Там на всякое дело машина приспособлена.

– Вот это дело!

<...> Когда первый момент испуга¹ прошел, все начали мало-помалу оглядываться, ощупывать, что у них под ногами, и соображать, на что или на кого можно опереться, где и в чем искать выхода. Т. е. собственно опять-таки где найти средство, которое могло бы возратить старое, блаженное время, когда все хозяйственное мудрствование заключалось в приказании старосте или приказчику. С «Положением 19-го Февраля», если мужики и оставались на издельной повинности, то в распоряжении у помещика, вместо семи рабочих мужицких дней в неделю, оставалось всего только три, да и теми надо было пользоваться крайне ограниченно. Старики, старухи, девчонки, мальчики были совершенно исключены из рядов той армии, которая называлась барщиной, и которая являлась прежде в полном комплекте, со всеми ветеранами и новобранцами.

Недостаток рабочих рук почувствовался, таким образом, прежде всего, и оттого прежде всего начали искать суррогат мужика. <...> И вот с того момента, как пришла в голову мысль заменить мужика машиной, помещики до того прониклись твердой уверенностью, что «зло» поправимо, что у иных эта уверенность доходила до какой-то детской наивности. Совершенно серьезные и неглупые даже люди сидели с каталогами бр[атьев] Бутеноп из Москвы и Рамсона и Симса из Петербурга и вербовали себе барщину, в виде сеноворошилок, почвоуглубителей, орудий, молотилок, сеялок, косилок и т. д. и т. д.

Разумеется, все это кусается, и такая барщина обойдется недешево, но зато, ведь, чуть не на век, а сверх того, грубостей, пьянства – ничего не будет. С мужиком еще кое-как можно было справляться, когда он знал, что его сейчас же можно и наказать, а извольте-ка ладить с ним теперь! Да, все наше спасение в машинах. Конечно, сами мы и все приспешники наши понятая не имеют ни об одной машине, как бы проста и немногосложна она ни была; но это еще ровно ничего не значит. Ведь не умеем же мы сами косить, а поля наши все-таки всегда были скошены. Так и тут: найдем одного или двух машинистов-немцев – непременно немцев (они аккуратны и не пьяницы) – и все пойдет отлично.

<...> Весь уезд собрался на опыты к Василию Михайлычу. Накануне еще мы получили пригласительные письма и на конторском бланке писанную красивым почерком программу испытания машин. Письмо это как-то уцелело до сих пор у меня. Строго говоря, это собственно даже не письмо, а какая-то прокламация, призыв на борьбу. Там говорится и о том, что дворяне

---

¹ Имеется в виду испуг дворян освобождением крестьян.

должны вспомнить, что они потомки славных предков, что они должны стряхнуть с себя обуявшую их лень, соединить свои силы на борьбу с одолевающей нас грубой физической силой (читай: с мужиками), что победа за нами, потому что в наших руках, в нашем распоряжении машины, – это последнее слово современной науки и т. д., и т. д.

<...> У самого крыльца куча людей в каких-то странных костюмах – в синих куртках, в красных жилетах, в белых чулках и в башмаках; у каждого в руке по белой фарфоровой трубке, точно такой, какую носят всегда с собою немцы. Когда я выходил из тарантаса, один из них назвал меня по имени. Я всмотрелся и узнал его. Он прежде жил у меня работником, потом женился и отошел. Хороший, толковый малый.

– Что это ты так нарядился, Ефим?

– А это, батюшка, уж всем с сегодняшнего дня такое положение от барина вышло. В немцев произвели.

– Зачем?

– А так, машины немецкие – оттого, значит, и платье на работниках тоже по-немецкому должно быть.

– А настоящее немцы у вас выписаны?

– А то как же? Шесть немцев настоящих, да вот нас десять человек ряженных...

<...>

К месту, огороженному флагами, мы двинулись уж толпой; некоторые подошли к депутатам² и говорили с ними.

– Ну, что, ребята, вы не боитесь машин? – спросил я их.

– Эти-то машины – ничего, отвечали разом несколько человек, указывая на английские плуги, конные грабли и проч.: – а вот ту, говорят (это про локомобиль), беспременно когда-нибудь разорвет... к той не подходи.

– Нет, не про то я говорю. Боитесь ли вы, что они у вас работу отобьют, т. е. заработки?

– Какие же заработки? Теперь каждому своего дела не переделать. Господь с ними!

– Господа! воскликнул Григорий Иваныч: – согласно программе, опыты начинаются испытанием сеялки!

К нам приблизились пять немцев, к животам которых были привязаны на помочах какие-то плетушки с ручками с боку, как у шарманки.

– При помощи этой сеялки один сеятель может в день посеять до пяти десятин. Цена такая-то. Начинать! – скомандовал Григорий Иваныч.

Немцы сделали направо кругом, завертели ручки и два жиденьких фонтанчика ржаных семян посыпались направо и налево через голову каждого из них.

Немцы шагали стройно, нога в ногу, и Григорий Иваныч и его превосходительство сияли радостью.

– Хорошо? – обратился я опять к мужикам.

– А господь ее знает, как она сеет-то. Разве на лугу, в траве, можно заметить, как зерно падает?... На будущий год, коли уродится, увидим.

– Василий Михайлыч, послушайте-ка, что говорят! Ведь дело; а никому из нас и в голову не пришло.

– Что такое?

Мужик повторил свои слова и ему.

– Верно, верно! воскликнул он. — Природного ума у них нельзя отнять! как-то даже с грустью добавил он. – Григорий Иваныч!

И ему передается замечание депутата. А немцы все идут дальше и рассеивают рожь по траве.

– Остановите же их! – кричит Василий Михайлыч. – Это обстоятельство, милейший Григорий Иваныч, надо было предусмотреть. Ведь мы компрометируем себя перед ними. – И он злобно повел глазами в сторону депутатов.

Григорий Иваныч оторопел до того, что сам побежал догонять уже далеко отошедших немцев.

Разумеется, все сейчас узнали, в чем дело; послышался смех, шутки. Позвали мужика, который сделал замечание. Тот даже немножко струсил, снял шапку и начал оправдываться. Хохот.

– Да нет, ты что же? Ты правду заметил! Кто-то пришел в такой восторг, что даже дали депутату три рубля на водку.

---

² Крестьяне от окрестных деревень, специально созданные Василием Михайловичем для знакомства с машинами.

– Как же быть теперь? Расчищенного места нет. Ах, какая досада! И как это глупо все вышло! – бормотал Василий Михайлыч.

Но, подобно тому, как один мужик прокормил двух генералов, так и теперь один мужик вывел нас всех из затруднения.

– Да вы, ваше превосходительство, обратился он к Василию Михайлычу, — прикажите одному какому немцу с машинкой по дороге пройти, травы на ней нет — оно и будет видно, как где каждое зернышко легло.

Задача разрешилась так просто и так скоро, что генерал на несколько мгновение чисто ошалел. Уставился на мужика и молчит.

– Да ты знаешь ли, из какого затруднения меня вывел? – наконец, воскликнул он. – Тебя как зовут? Ты откуда?

– Тугошней, ваше превосходительство, Федька.

– Вот это от меня возьми. – Он дал ему красненькую³. – Ты, пожалуйста, если что заметишь, сейчас говори мне. Я вижу, ты, братец, не дурак.

Пустили немца на дорогу, и все стали по бокам ее. Что будет? Сеялка сеяла действительно превосходно, ровно.

– Руками так не посеешь? – спрашивали депутатов.

– Я? – нет, а вот Филька Корявый – тот посеет.

– А он здесь?

– Здесь.

Позвали Фильку Корявого.

– Можешь так посеять?

Он посмотрел, почесал в голове, встряхнул волосами.

– Могу.

Дали ему в подол рубашки ржи, и он действительно точно по зернышку разложишь все зерна.

Это произвело несколько охлаждающее впечатление. Авторитет сеялки поколебался.

– Нет, это штука все-таки хорошая. Это ничего, это подспорье, вот только, может, она ломкая какая. А то ничего, – твердили мужики, к великой радости Василия Михайлыча, начавшего относиться к ним и добродушнее, и осмотрительнее. Правда, опыты сразу утратили характер департаментская священнодействия, но зато получили хоть какую-нибудь разумность и смысл. Дело стало походить на дело. Григорий Иваныч, в душе которого, по случаю вышеупомянутой непредусмотрительности, был настоящий ад, теперь как-то стушевался, потерял апломб, и хотя был тут же, но, в то же время, казалось, как будто его тут и не было.

Затем начались опыты над плугами разных систем, пароконными, четырехконными, шестиконными и т. д.

Широкие и глубокие борозды проводили они по лугу; целые пласты дерна вырезывали и клали на траву землею вверх. Все присутствующее были в восторге, а мужики и подавно. Василий Михайлыч ликовал. Никто не находил нужным желать чего-либо лучшего. Но действительность, эта проклятая действительность, устами другого какого-то депутата, опять отравила наш восторг. А вопрос был самый простой, самый очевидный.

– Хорошо-то, хорошо, слов нет, а только это нашим лошадям не под силу.... Ведь теперь какие лошади-то запряжены? Заводские!⁴ Где ж нашей рабочей лошади такую пахоту выдержать. Ведь в этот пароконный плуг, – толковал мужик, – наших лошадей надо разве пару заложить? И четырех мало.

И это было верно, и все с этим поневоле соглашались. <...>

Само собою разумеется, что я не помню теперь достоинств и недостатков каждого орудия или машины, которые испытывались, да это теперь и ни к чему не нужно. Сами по себе ведь они, конечно, были хороши и даже очень хороши, но вопрос был совсем не в этом. Применимы ли они у нас, можно ли нам обойтись без мужика? – Вот что в то время требовалось знать.

На это получился ответ беспощадно отрицательный.

<...> Мужики были все поголовно в восторге от машин, но и все поголовно же сказали, что нам они пока не пригодны. И сказали они это не зря, а подтвердили такими соображениями, которые потом на практике совершенно оправдали их слова. Так, например, я запомнил сцену с конными граблями. Орудие безусловно хорошее, практическое, я мужики его хвалили, но для нас оно не

³ Десять рублей.

⁴ Имеются в виду лошади с конного завода, отборные.

годится но той простой причине, что им работать можно только на совершенно ровной почве, где не должно быть, что называется, ни сучка, ни задоринки, т. е. как раз наоборот с тем, что представляют обыкновенно наши сенокосы, всегда по берегам рек, по низам, заливаемым водой весной, и усаженным кочками, как бородавками. В Англии, во Франции, где, трава сеется, эти грабли – вещь прекрасная и совершенно кстати, а зачем, спрашивается, купил их Василий Михайлыч? Между тем, он купил их тридцать штук и, если память мне не изменяет, они стоили тогда по двадцати с чем-то рублей штука.

<...> Я привел в пример опыты у Василия Михайлыча, потому что он ухлопал на машины до пятидесяти тысяч, и из этой затраты все-таки ровно-ровно ничего не вышло. И волей-неволей, с страшной досадой, с глубоко оскорбленным самолюбием, пришлось, в конце концов, обратиться опять к тем же мужикам. Надо было иметь много характера, чтобы пережить это унижение, так неожиданно сменившее розовые, светлые и, как казалось, такие близкие к осуществлению мечты. Но кто же был виноват во всем этом, как не сами же мы?

<...> В заключение, еще несколько строк по поводу заведения у нас этого несчастного «рационального хозяйства».

Так как под этим злополучным термином понималось совсем не то, что следовало понимать, т. е. не разумное ведение хозяйства, с постепенным усовершенствованием производства, принятием во внимание местных условий труда, условий сбыта, а подразумевалась просто пересадка в нашу Осиновку или Семеновку совершенно произвольно французского, швейцарского, английского или немецкого хозяйства, то очень естественно, что, при таком наивнейшем взгляде на затеянное дело, мы, по-своему, пожалуй, даже и логично, пришли к сознанию необходимости завести у себя и иностранное скотоводство. Тут, разумеется, повторилось совершенно то же самое, что и с машинами. Покупались тонкорунные, нежные овцы, привозились к нам, помещались в наших холодных овчарнях и гибли, как мухи. Если начать рассказывать все случаи таких дурачеств – как же это иначе назвать? – мне кажется, никогда бы не кончить.

Сергей Атава (С.Н. Терпигорев). Оскудение. "Благородные".
Том 1. Отцы. СПб, 1882. С. 43–86.
("Электронная Ленинка": <http://sigla.rsl.ru>)

А.Н. Энгельгардт об устройстве своего хозяйства Из письма пятого (1875 г.)

Приехав в деревню и не имея первое время никакого дела по хозяйству, так как до весны хозяйство должно было идти по-старому, я старался ознакомиться с положением своего и других местных хозяйств и построил план нового хозяйства. При этом я много воспользовался примером обширного хозяйства одного из моих родственников, хозяйство которого – одно из первых в губернии по *организационному плану*. Говорю "по организационному плану" потому, что самое исполнение плана в деталях ниже всякой критики. Система полеводства превосходна, но лен, например, иногда выделывают так, что никуда не годится, превосходная рожь вымолачивается так, что значительное количество зерна остается в соломе, и разостланная на дворе солома, после дождя, покрывается густою зеленью, правильного учета и контроля нет, превосходные лошади сбиты и испорчены – ни надсмотра, ни порядка. По составленному мною плану, возделывание льна должно было войти в систему хозяйства.

<...> Мало-помалу чистые, не заросшие кустами и березняком облоги⁵ подобрались⁶, и я принялся за обработку под лен облог, поросших березняком до двух вершков толщиной в комле. Пришлось корчевать березняки, что увеличило ценность обработки, сверх того, облоги из-под таких березняков уже трудно было драть сохами, и я принужден был завести плуги. Теперь все облоги подымаются шведскими железными плужками без передков, которыми пахут или батраки, или поденщики. Обыкновенно говорят, что трудно завести плуги, там где крестьяне привыкли пахать сохами. Нисколько. У меня плуги пошли сразу. Задумав пахать плугами, я стал высматривать, у кого есть плуги, хороши ли. Все плуги казались мне неподходящими. Наконец случайно, быв в гостях у одного помещика в другом уезде, я увидел плуг, который мне понравился. Я решил попробовать этот плуг и попросил у хозяина позволения прислать к нему работника поучиться.

⁵ Запущенные земли, не используемые под пашню.

⁶ То есть, наиболее выгодные облоги оказались уже все распаханы.

- А присылайте, - говорит, - я покажу.

Возвратясь домой, я через некоторое время призвал Сидора.

- Слушай, Сидор, нынешней осенью я думаю подымать облоги под лен плугом. Ты знаешь – железные сохи, что мы на выставке видели.

- Слушаю-с.

- Я у одного барина в Д. уезде видел плугами пашут – хорошо.

- Можно и нам, если хорошо.

- Так вот что, вот тебе деньги и письмо, ступай сегодня на станцию, возьми билет до Ярцевой, там выйдешь и пойдешь по большой дороге – верст 20 будет до села К.; тут спросишь Х. Это самый тот барин, у которого плуги, недалеко от села. Придешь к барину, отдашь письмо, помотришь плуг, помотришь, как пашут, сам попробуешь пахать, и, когда научишься, ступай назад на Ярцеву, возьми билет в Смоленск, купи такой плуг – у барина узнаешь, в какой лавке, – и привези сюда. Облоги орать будем. <...>

- Ну, что?

- Привез.

- Пахать выучился?

- Выучился.

- Что же ты так скоро. Ведь ты всего три дня проездил?

- А что ж там делать? Хитрого ничего нет. Работники показали, и сам барин показал тоже, как собирать. Я, А.Н., сами извольте знать, могу соху не то что наладить, а и присадить, а тут и ладить нечего – на все зарубка своя есть.

- А хорошо пашет?

- Отлично, А.Н., особенно для облог. Уж так хорошо, что лучше и быть нельзя. Сохой - куда так сделать! И пахарю легко, да и пахаря особенного не нужно, тут чистую облогу всякий будет драть, а про переломы и говорить нечего – валяй только.

- Парой будешь пахать?

- Парой. Парой легче коням будет, только коней на первый раз нужно взять помирнее и поумнее. Я пахотных не буду брать, потому что пахотных переучивать нужно, тут один конь бороздой должен идти, а другой полем, потому, одного пахотного можно бороздой, а другого пристяжного. Если оба пахаря будут, то полевой будет отбивать пахотного бороздою.

- Так и отлично. Пару карых можно взять.

- Я тоже думал.

- Когда же ты думаешь начать?

- Завтра. Сегодня упряжь налажу, а завтра на переломе попробую. Позвольте только Михейку взять – коней поводить нужно будет, пока не привыкнут.

На другой день Сидор начал пахать перелом, то есть такую землю, на которой по обороченному пласту был посеян лен. Десятину он вспахал отлично и окончил в четыре дня – десятины хозяйственные, сытые, – несмотря на то, что было грязно и лошади были очень ленивые и не шаговитые. После перелома он переехал на чистую облогу, которую вспахал тоже в четыре дня. Затем Сидор научил пахать плугом одного из работников, который всю осень пахал облоги и переломы. Плуг работал великолепно, никаких поломок не было, только и было всего что работник потерял ключ, да и об этом я узнал только потом, потому что работник, потеряв ключ, взял у Сидора другой, просил никому ничего не говорить, а в воскресенье сбегал к кузнецу, который ему сделал, на его счет, новый ключ. Как это непохоже на то, что сообщает нам в своих "Советах смоленским хозяевам" наш агроном Дмитриев, который, заведая хозяйством казенной фермы, на опыте убедился, что у нас невозможно употреблять улучшенные орудия, вследствие "недобросовестности", "невежества" русского крестьянина!

Потом я купил еще два плуга, и теперь у меня вот уже три года – переломы и облоги под лен иначе не подымают, как плугами, да еще какие облоги – такие, которые были покрыты частым пятнадцатилетним березняком, такие, на которых что ни шаг – то корень, так что десятину менее как в одиннадцать дней не подынешь. И плуги служат вот уже три года, разумеется резцы и лемехи приходилось переменять, и никакой "ломки", никакой "потери различных частей" нет, как это было у агронома, который рабочих обвинял даже в том, что "лошади были худы до крайности", как будто рабочих можно обвинять в этом. Если лошади были худы, да еще до крайности, так это потому, что их не кормили, и что же тут удивительного, что работники "не выполняли своих уроков" на таких лошадях? Лошадь везет не кнутом, а овсом.

У меня лошади не были худы, хотя каждая пара, в прошедшем году например, подняла по три с половиною десятины облог из-под березняков, причем лошади всю осень пахали безостановочно изо дня в день. Разумеется, лошади получали ежедневно овес.

И кто же пахал? Невежественные, недобросовестные русские крестьяне – "русски свинь", как сказал бы какой-нибудь немец, управитель старого закала или вызванный из-за границы насаждать у нас агрономию профессор заведения, где прежде приготавливались "агрономы". Пахали обыкновенно батраки, а на одной паре – так как батраков не хватало – всю осень пахал поденщик. Кормили те же батраки, потому что дело старосты только отмерить овес, насыпать в торбы и выставить торбы на галерею подле амбара; в обед каждый берет две торбы на свою пару, которую он и кормит, и поит. Весною, когда лошадой не приводят домой, а пускают пастись во время обеда там же, где работали, батраки в поле же и задают овес, а от поля рукой подать до кабака. Кажется, как бы не пропить овес? Не пропивают.

Крестьяне приходили смотреть железную соху, дивовались немецкой хитрости и пашню одобрили.

Один из моих рабочих, Степа, вздумал было на сохе конкурировать с плугом и уверял, что он вспашет перелом и подымет облогу сохой во столько же времени, во сколько Сидор вспашет плугом, и сделает не хуже. Действительно он вспахал десятину перелома во столько же времени, но на облоге отстал, хотя работал так, что даже трубочку на ходу курил, и далее конкурировать отказался.

<...> Необходимость разделять под лен давно запущенные облоги, требующие корчевки березняков, увеличила ценность обработки льна еще на 15 рублей, так что теперь обработка десятины льна обходится уже 50 рублей, но так как лен, в средней сложности, дает 100 рублей с десятины валового дохода, то, следовательно, чистого дохода получается 50 рублей от десятины. Да сверх того в пользу хозяина остаются дрова и еще, если корчевка производится заблаговременно, на следующий год после корчевки получается хороший укос травы.

Получить 50 рублей чистого дохода с десятины, *не употребляя для этого навоза*, разве это не хорошо?

Но этого мало: после льну, по перелому, с небольшим удобрением – "потрусивши навозцу", как говорят крестьяне – получают великолепнейшие урожаи ржи. Вот уже три года, что после льну на переломах, *удобренных только 100 возами навоза на хозяйственную десятину*, я получал по 18 кулей ржи с хозяйственной десятины, то есть сам-12, тогда как на старопашотных землях, при 300 возах навоза, получалось только 12 кулей с десятины, то есть сам-8. Такие же результаты получились в соседнем имении, где, по моему примеру, стали сеять лен, а после льну по перелому рожь. Хозяева, которые знают, как дорого обходится нам навоз, поедающий все доходы с полеводства, поймут всю важность добытых мною результатов.

Стоят березняки, выросшие на десятинах, запущенных лет 15 назад, и никакой пользы для хозяйства от них нет. Нужно подождать еще 35 лет, чтобы березняки эти превратились в хороший дровяной лес, за который дадут тогда, положим, по 150 рублей за десятину, да и то в местностях, прилегающих к железным дорогам. Выкорчевываю березняки и на следующий год получаю хороший укос травы, не менее 16 копеек с десятины, и потому, если отдать с половины, то мне придется 8 копеек, что стоит мало-мало 10 рублей.

Сею лен. Получаю 50 рублей чистого дохода.

Удобряю 100 возами навоза и сею рожь. Получаю 18 кулей ржи с десятины, в полтора раза больше, чем сколько получается с старопашотных земель, удобренных втрое большим количеством навоза. Затем у меня остается возделанная земля, на которой я могу вести хозяйство и которая всегда дает более дохода, чем земля, находящаяся под лесом.

<...> Спросят, что же вы будете делать, когда подымете все облоги? Буду продолжать то же самое. Ежегодно я подымаю 8 десятин облог и на то место засеваю 8 десятин старопашотной земли клевером с тимофеевкой, которые и запускаю. Через шесть лет эти десятины будут представлять чистые облоги, которые опять пойдут под лен. Обработка этих десятин будет уже легка, потому что корчевать не будет надобности и подымать чистые облоги без корней легко. Но это уже целая система полеводства, о которой я подробно говорить буду в особой статье. <...>

Между землевладельцами моя система не имеет успеха. Я и статьи пишу, я и на словах проповедую каждому встречному и поперечному, так что, думаю, уже надоел многим, я и на съезд в наш уездный город ездил, подробные сообщения делал с числовыми данными, уши всем протрубил облогами и льном. Но все это глас вопиющего в пустыне...

<...> Не успело еще порядочно обутреть, а уж бабы окончили мять лен. Нужно одеваться и идти в амбар вешать лен.

Так как бабы мнут лен каждая на себя с платою от пуда, то и вешать лен нужно у каждой бабы отдельно. Даже родные сестры, не говоря уже о женах родных братьев, мнут лен в раздел, каждая на себя, и не согласятся класть лен в одну кучу и вешать вместе, а заработную плату делить пополам, потому что сила и ловкость неровная, да и стараться так не будут и, работая вместе, наминать будут менее, чем работая каждая порознь. Только мать с дочерью иногда вешают вместе, но и это лишь тогда, когда мать работает на дочь и все деньги идут дочери.

Взвешивает лен староста Иван, а я только осматриваю вязки, чисто ли отделано, и записываю вес каждой бабы. Замечу здесь, кстати, что лен, доставляя большие выгоды, требует, однако, много внимания со стороны хозяина. Если хозяин сам не занимается делом или не имеет надежного человека, которому нужно дать полную волю действовать, то у него со льном будут частые неудачи. В моем соседстве многие пробовали сеять лен, но большей частью от невнимательности терпели неудачи: лен то западает снегом, тогда все пропало, то недолежится, то перележится, то дурно смят, то неровно смят – одна вязка хороша, а другая нет, – что сильно понижает цену всей партии. В нынешнем году, например, льны, даже у крестьян, почти повсеместно запади снегом, а у меня весь лен был поднят своевременно и вышел отличного качества. В прошедшем году льны тоже запади, у меня запади лишь ничтожное количество. У других купец иначе не купит лен, как пересмотрев его самым тщательным образом, а у меня купит ранее, чем еще лен смят, по первым образцам. Все эти неудачи происходят от невнимания самих хозяев, оттого, что все делается несвоевременно и кое-как. Главное – нужно спешить выборкой и молотьбой, жертвуя качеством семени, если на то уже пошло, потому что волокно дороже семени и потеря волокна влечет за собою более убытку, чем дурное качество семени. Важно только получить хорошие семена для себя, а гуртовое семя на продажу, если будет низшего достоинства, то потеря на нем ничтожна, сравнительно с потерей волокна, поэтому необходимо сеять для себя на семена отдельные десятины.

А.Н.Энгельгардт. Из деревни. 12 писем. 1872-1887. М., 1956.

<http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/ENGLGRDT/>

(Проект: Электронная библиотека Исторического факультета МГУ)